

самых ярких своих антикрепостнических произведений — «Истории села Горюхина». Образ Горюхина — глубочайшее художественное обобщение, в нем запечатлена вся крепостническая Россия. Пушкин шел как от личных своих наблюдений над псковской, тверской и нижегородской деревней, так и от размышлений над историческими судьбами родины в целом. Но как много совпадений в вымышленном сюжете пушкинского повествования с перипетиями драмы, разыгравшейся в Бернове в 1827 г.!

История волнений берновских крепостных должна заинтересовать биографов великого русского поэта и исследователей его творчества.

Н. К. Дроздова,
краевед
(Калинин)

ТВЕРСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ А. С. ПУШКИНА «ЗИМА. ЧТО ДЕЛАТЬ НАМ В ДЕРЕВНЕ?»

«Проезжая из Арзрума в Петербург, я своротил вправо и прибыл в Старицкий уезд», — пишет Пушкин 16 октября 1829 года А. Н. Вульфу из Малинников¹. Вторую половину октября — начало ноября Пушкин проводит в Павловском у П. И. Вульфа. Среди написанного им в эти дни и стихотворение «Зима. Что делать нам в деревне?», помеченное 2 (14) ноября.

В стихотворении воссоздана обстановка, окружавшая поэта в те дни: Реальным комментарием к стихотворению могут послужить воспоминания Е. Е. Сеницыной, тоже гостившей тогда в Павловском. «Вставал он по утрам часов в 9—10 и прямо в спальне пил кофе, потом он входил в общие комнаты, иногда с книгой в руках, хотя ни разу не читал стихов. После он обыкновенно отправлялся к соседним помещикам, или, если оставался дома, играл с Павлом Ивановичем в шахматы»². Об этих же днях сам Пушкин пишет

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч в десяти томах. М.-Л., АН СССР, 1949, т. X, с. 261. В дальнейшем ссылки на это издание с указанием тома и страницы.

² А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., Худ. лит., т. 2, с. 81—82.

в неоконченном «Романе в письмах», делая пометку на первом письме героини: село Павловское. Герой романа Владимир признается другу: «Что касается меня, я совершенно предался патриаршеской жизни: ложусь спать в 10 вечера, сзжу на порошу с здешними помещиками, играю со старухами в бостон по копейке и сержусь, когда проигрываюсь» (VI, 75).

Но, конечно, неправильно было бы видеть в стихотворении подобие дневниковой записи: оно должно быть рассмотрено как художественное целое и в общем контексте творчества поэта как веха на его творческом пути.

Прежде всего следует отметить глубокую связь стихотворения с романом «Евгений Онегин». В 1829 г. Пушкин был близок к завершению главного своего произведения. В Павловском он как раз работал над главой о странствии Онегина, впоследствии не включенной в роман. Лирические стихотворения, создаваемые им в ту пору, являются своеобразными «спутниками» великого романа³. В полной мере это касается стихотворения «Зима. Что делать нам в деревне?». Ведь оно представляет не что иное, как пространственный вариант строфы XLIII четвертой главы романа:

В глуши что делать в эту пору?
Гулять? Деревня той порой
Неволью докучает взору
Однообразной наготой.
Скакать верхом в степи суровой?
Но конь, притупленной подковой
Неверный зацепляя лед,
Того и жди, что упадет.
Сиди под кровлею пустынной,
Читай: вот Прадт, вот W. Scott.
Не хочешь? — проверяй расход,
Сердись иль пей, и вечер длинный
Кой-как пройдет, а завтра то ж,
И славно зиму проведешь (V, 94).

По-видимому, на Пушкина в Павловском нахлынули воспоминания о зимнем одиночестве в Михайловском в годы недавней ссылки. Тогда, после шумного Юга, он очутился в

³ Ср.: *Никольский В. А.* Стихотворение А. С. Пушкина «Цветок». — В кн.: *Пушкинские чтения на Верхневолжье. Сборник второй.* Калинин, 1974, с. 60—67.

псковской деревне, теперь, опять-таки после Юга,— в Тверской.

В стихотворении то же доверительное обращение к читателю, та же ирония, то же пристальное внимание к окружающему, что и в процитированной строфе романа. Но в стихотворении больше личного: оно о самом поэте, томящемся однообразным течением дней.

В нем нет развернутой картины природы, как, например, в «Зимнем вечере», «Зимней дороге», «Зимнем утре». Приметы зимнего дня только названы: рассвет, пороша, бледный снег, вьюга, сумерки, мороз. Зато оно насыщено бытом, тем, что занимает в зимнюю пору досуг обитателей затерянного в снегах поместья. Псовая охота по пороше, разговоры о хозяйстве и дворянских выборах, чтение, игра в шашки, гадание на картах, флирт, пение, танцы, прием гостей — все это создает целостную картину однообразных поместных будней.

Герой стихотворения, поэт, находится как бы в плену этой обыденности, из которого ему, кажется, и не освободиться. Пространство стихотворения замкнуто рамками усадебного интерьера. Попытки вырваться из него оканчиваются ничем. Даже охотничий азарт не приносит ощущения свободы и простора. Это, скорее, какое-то кружение на месте, завершающееся возвращением к исходному положению:

Кружимся, рыскаем и поздней уж порой,
Двух зайцев протравив, являемся домой (III, 125).

Символика кружения годом позже будет развита Пушкиным в стихотворении «Бесы».

Из «плена» не вырваться даже мысленно. Не может помочь книга: «...глаза над буквами скользят, А мысли далеко». В таком положении в восьмой главе романа оказывается Онегин:

...Глаз его читали,
А мысли были далеко;
Мечты, желанья, печали
Теснились в душу глубоко (V, 183).

Поэт усиливает впечатление тесноты, замкнутости пространства, погружая все в полусвет: «при первом свете дня», «бледный снег», «вечер... свеча темно горит». Мотив темноты с особенною силою зазвучит у Пушкина в более поздних «Стихах, сочиненных ночью во время бессонницы».

И когда все-таки уединение нарушено приездом соседней молодежи, вносящей оживление и радость, это воспринимается как вторжение со стороны, издали, из-за какой-то черты, которой не переступить самому герою. К тому же это лишь минуты, мгновенья. Поэт предваряет заключительную картину словами «но если».

Время идет и как бы застыло. Его течение — от пробуждения до сумерек и вечера — обманчиво, так как это тоже «кружение», повторение того, что уже было вчера и предвосхищение того, что будет завтра. Поэтом изображен один из зимних дней, похожий на остальные: «Так день за днем идет в уединенье!»

Однообразие и бессодержательность такого существования давит на поэта, обескрыливает его мечту, лишает радости творчества. Наступает мучительное состояние «несвдохновенья»:

Беру перо, сижу; насильно вырываю
У музы дремлющей несвязные слова.
Ко звуку звук нейдет... Теряю все права
Над рифмой, над моей прислужницею странной:
Стих вяло тянется, холодный и туманный.
Усталый, с лирою я прекращаю спор.

Как всегда, Пушкин необычайно точен в характеристике изображаемого явления. Лишенный ясной мысли («туманный») и сильного чувства («холодный»), «насильно вырванный» у музы стих страдает невыразительностью («вяло тянется») и бедностью звуковой инструментовки («ко звуку звук нейдет»).

Как это состояние не похоже на ту глубокую расположенность к творчеству, о какой Пушкин поведает в отрывке 1833 г. «Осень»:

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут (III, 265).

Правда, автор стихотворения «Зима. Что делать нам в деревне?» «опровергает» сам себя, так как оно поражает художественною значительностью. Поэт остается поэтом.

Стихотворение построено на типичной для Пушкина смене настроений: от печали, уныния — к радости, упоению жизнью, надежде. Такая диалектика чувства лежит в основе

написанных ранее стихотворений «Узник», «Я помню чудное мгновенье», «Вакхическая песня», «Зимняя дорога» и других. Д. Д. Благой в этой связи обращает внимание на стихотворение того же 1829 г. «Брожу ли я вдоль улиц шумных»: «...ни в одном из пушкинских стихотворений не сказывается с такой силой тягчайший личный и общественный кризис и одновременно выход из него, его преодоление — и трагедия и разрешающий ее катарсис, — как в написанных месяца через два после «Зимнего утра»... новых стансах... трагическая мысль о смерти, и своей и всего своего поколения, разрешается другой, светлой, альтруистической мыслью (зерно ее уже в эпитете «Младенца милого ласкаю») о цветении новой, молодой жизни. Благословением ее и завершается это чудесное стихотворение, в котором «лелеющая душу гуманность» поэзии Пушкина одерживает одну из самых трудных и великих своих побед»⁴.

Уже в первой строке стихотворения «Зима. Что делать нам в деревне?» вопрос звучит тревожно. А затем тяжелое настроение характеризуется горьким ироническим восклицанием: «Куда как весело!» И дальше признание: «...стесняясь сердце ноет». И строчка, как будто вырванная из стихотворения «Анчар»: «По капле медленно глотаю скуки яд» (ср. «Яд каплет сквозь его кору»). И, наконец, кульминация, почти крик: «Тоска!» Да ведь это рефрен в повествовании о странствии Онегина! Онегин «отправился» на Юг тотчас по возвращении оттуда Пушкина в 1829 г. Настроение поэта во многом сближается с настроением его героя.

Эта часть стихотворения характеризуется замедленностью, прерывистостью речи, как будто герою его трудно произносить слова. Обильны назывные и нераспространенные предложения: «Зима», «Пороша». «Тоска!», «Вот вечер», «Вьюга воет», «Читать хочу»... Особенное напряжение стиху придадут переносы: «встречаю слугу», «постель покинуть», «права над рифмой».

После кульминации отчаяния наступает перелом в настроении героя. Заявляют о себе молодость, неистраченные силы. С приездом «нежданой семьи»⁵ «оживляется глухая

⁴ Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826—1830). М., Советский писатель, 1967, с. 410—411.

⁵ Старицкий краевед Д. А. Цветков предполагает, что это семья Черкашениновых, соседей Вульфов.

сторона». Поэт восклицает: «Как жизнь, о боже мой, становится полна!»

Молодость не отступает перед испытаниями, ей нипочем бури, морозы, «пыль снегов». Жажда полноты жизни и счастья составляет пафос этого стихотворения Пушкина. Поэт-скиталец, только что написавший «Дорожные жалобы», поэт-поднадзорный мечтает о семье, о свободном и вдохновенном творческом труде.

Мажорное настроение настолько сильно, что буквально переплескивается в написанное на следующий день «Зимнее утро», полное света, блеска, простора, стремительного движения. Оба стихотворения вместе образуют чудесную лирическую дилогию.

В заключительных строках анализируемого стихотворения жизнеутверждающим мотивам придается очень важный оттенок. Пушкин пишет:

Но бури севера не вредны русской розе.
Как жарко поцелуй пылает на морозе!
Как дева русская свежа в пыли снегов!

Д. Д. Благой замечает в связи с этим: «И все «зимние» стихотворения Пушкина действительно отличает ярко в них выраженная и по существу, и аксессуарно, и лексически («отечественные звуки») народность, национально-русский колорит»⁶.

Строки — «И дева в сумерки выходит на крыльцо: Открыты шея, грудь, и вьюга ей в лицо» — заставляют вспомнить XXX строфу VII главы стихотворного романа, законченной в Малинниках годом ранее:

...И рады мы
Проказам матушки зимы.
Не радо ей лишь сердце Тани.
Нейдет она зиму встречать,
Морозной пылью подышать
И первым снегом с кровли бани
Умыть лицо, плеча и грудь (V, 153).

В «Евгении Онегине» (глава IV, строфа XLII) Пушкин пошутил над рифмами «морозы — розы», как примелькавшись в поэтических писаниях, но и они вновь обрели под его пером свежесть в контексте, чуждом иронической интонации.

⁶ Благой Д. Д. Указ. соч., с. 475.

Во второй части рассматриваемого стихотворения меняется и строй речи: она течет свободнее, ей свойственна большая интонационная слитность, предложения развертываются, становятся подобными друг другу, появляются единоначатия, начинается преобладать восклицательная интонация. Все это отражает повышенный эмоциональный тонус заключительных строк.

Пушкин выбирает для стихотворения шестистопный ямб. Это не первое его обращение к данному размеру: до 1829 г. им написано не менее тридцати стихотворений, в том числе такие шедевры, как «Редет облаков летучая гряда», «Муза», «К Овидию», два послания цензору, «Ненастный день потух», «Сожженное письмо» и другие. В них шестистопный ямб является необходимым элементом стиля, служащего раскрытию сложного и высокого идеологического или психологического содержания, главным образом в посланиях, сатирах и элегиях. В стихотворении «Зима. Что делать нам в деревне?» он впервые у Пушкина ритмически воплощает реалистическую картину повседневной жизни. Емкость строки шестистопного ямба позволяет теперь поэту внести в произведение «фламандской школы пестрый сор» и запечатлеть во всей его житейской непосредственности духовный мир человека.

Стихотворение стоит в ряду тех произведений поэта, появление которых знаменует решительный поворот Пушкина к реализму. Стоит в этом плане сравнить его со сходным по основной ситуации стихотворением 1825 г. «Я помню чудное мгновенье», написанным в духе романтической поэтики. Реальная ситуация, там отраженная, воссоздается лишь с помощью биографического комментария. В самом же стихотворении житейские наименования предметов и явлений заменены поэтизмами и перифразами: годы в Михайловском — «мрак заточенья», в которое герой ввергнут «бурь порывом мятежных», приезд знакомой — «чудное мгновенье», а сама она — «гений чистой красоты» (не случайное заимствование выражения у Жуковского!).

Теперь же между реальной обстановкой и читателем нет романтической вуали, вещи называются теми именами, какие они носят в жизни. Стихотворение насыщено бытовой лексикой: тут и арапники, и чашка чаю, и свеча, и шашки, и многое другое. Лишь когда речь заходит о творчестве, поэт прибегает к традиционной поэтической лексике и фразеологии: появляются муза и лира, метафорические выражения («вырываю у музы дремлющей несвязные слова», «усталый

с лирою я прекращаю спор»). Радость поэту приносит не посещение «гения чистой красоты», а приезд двух белокурых и стройных сестриц.

«Иные нужны мне картины», — заявил Пушкин как раз в набросках главы о странствиях Онегина и был верен себе.

Конечно, по силе выражения чувства и его красоте «Я помню чудное мгновенье» не имеет себе равных. И есть темы, по самой природе своей романтические. Мы прибегли к сопоставлению этих двух стихотворений, чтобы оттенить основную тенденцию в исканиях Пушкина на рубеже тридцатых годов.

Поэт создает свои первые прозаические художественные произведения, глубоко задумывается над законами прозаических жанров, экспериментирует. В одно время с работой над стихотворением «Зима. Что делать нам в деревне?» (и на одном с ним жизненном материале!) он начинает писать «Роман в письмах». И произведения эти явно перекликаются.

Л. А. Ильин,
краевед
(Калинин)

ЗАБЫТОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ С. Д. ДРОЖЖИНА «ПАМЯТИ А. С. ПУШКИНА»

Стихотворение С. Д. Дрожжина, посвященное памяти великого русского поэта, дважды включалось автором в сборники его стихов, а затем не перепечатывалось более семидесяти лет и оказалось забытым.

Оно написано в 1881 г. Сохранившиеся рукописные заметки поэта позволяют уточнить дату: 6 октября¹. Дрожжин опубликовал его в разделе «Из старой тетради», приложенном к сборнику стихов 1904 г., а затем, с двумя незначительными стилистическими поправками, ввел в третье издание самого крупного однотомника своих поэтических произведений (приводим стихотворение по этому изданию)².

¹ Музей С. Д. Дрожжина, основной фонд, ед. хран. 97, л. 34 об.

² Новые стихотворения С. Д. Дрожжина (1898—1903 гг.). М., 1904, с. 126; Стихотворения С. Д. Дрожжина. 1866—1888. Третье, значительно исправленное и дополненное издание с портретом и записками автора о своей жизни и поэзии. М., 1907, с. 328.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
КАЛИНИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В О П Р О С Ы
БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВА
А. С. П У Ш К И Н А

Межвузовский тематический сборник

КАЛИНИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Калинин 1979